

УДК 140.8

DOI: 10.21146/1606-6251-2024-1/2-118-131

А.М. Орехов

«БАСТИОНИЗМ» КАК МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ЧАСТЬ 1).

***Аннотация:** Статья посвящена эффекту «бастионизма» как одному из механизмов торможения в российских социально-гуманитарных науках. «Бастионизм» («ЭСЗ-эффект», «эффект самозамыкания») – это социальный эффект, проявляющий себя как результат взаимодействия какой-либо научной школы с другими научными школами, группами и отдельными социальными учеными, при котором данная конкретная школа, постулируя «открытость», на деле берет курс на «самоизоляцию» и «самозамыкание», полагая себя вполне самостоятельной научной школой, имеющей собственных «отцов-основателей», и способной благодаря их научному наследству получать эффективные научные результаты вне контекста взаимодействия с мировой социально-гуманитарной наукой. Российская социально-гуманитарная наука как «закрытая наука» провоцирует появление «бастионизма». Пренебрежительное отношение к мировым сетям цитирования (включая Scopus) также является одной из форм проявления «бастионизма».*

***Ключевые слова:** бастионизм, «ЭСЗ-эффект», «эффект самозамыкания», Scopus, Ю.М. Резник, «Гильотина Юма».*

«Эффект самозамыкания» как общая проблема российских социально-гуманитарных наук

О проблеме отставания российских социально-гуманитарных наук от мировой науки. Российская социально-гуманитарная на-

Орехов Андрей Михайлович - доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Междисциплинарного общества социальной теории (МОСТ). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

ука ныне оказалась на непростом этапе своего развития. Спецоперация на Украине, повлекшая за собой новую, до того почти небывалую волну противостояния с Западом (в первую очередь, с США и Европой), заодно резко обострила вопрос о той позиции, которую должны занять российские социальные ученые и ученые-гуманитарии в отношении западной социально-гуманитарной науки. Если *они нам враги*, то, значит, и *наука их нам враждебна*? Нужно ли тогда вообще читать их журналы и книги, и тем более, публиковаться у них? Стоит ли нам вообще играть на их поле, если мы найдем там только сплошную русофобию или, в самом легком случае, непонимание нашей позиции?

Заметим, ситуация *трудного выбора* возникла не только для российских ученых, но и для западных ученых. Стоит ли *им вообще с нами сотрудничать*? Надо ли вообще публиковать наши работы в *их журналах*, если мы — *агрессоры*? Ведь российская социально-гуманитарная наука, предполагают они, также в той или иной степени несёт ответственность за демарши российских политиков; следовательно, санкционные методы должны действовать не только в отношении политиков и государства, но и в отношении науки современной России.

Пока ситуация остается *неопределенной*, — и, вероятно, у *них* тоже имеются разные точки на то, что же делать дальше: либо продолжать сотрудничество с нами, либо отказываться от него. Но, подчеркнём, в конечном счете, *их выбор — это их проблема*. Отметим только, что исследовательское поле всякой науки (а тем более, социально-гуманитарной) конструирует эффективные с любой точки зрения возможности для выстраивания диалога, и в целом, возможности для любых типов рациональной коммуникации, и осуществлять её необходимо в любых политических условиях, — даже в самых сложных. Откажутся они — проиграют они, откажемся мы — также окажемся в проигрышном положении.

И опять же это никак не снимает ещё одного очень значимого вопроса: чья социально-гуманитарная наука лучше и «сильнее» — наша, отечественная, или западная? Кто от кого отстает — мы от них или они от нас? Если, к примеру, отстаем мы, то какие факторы этому способствуют? И что нужно сделать, чтобы эти факторы устранить, элиминировать?

Исходный тезис этой статьи – российские социально-гуманитарные науки находятся в положении «слабой», «отстающей науки» в отношении западной социально-гуманитарной науки, – причем этот тезис мы отстаивали уже неоднократно [2]. Естественно, у наших уважаемых коллег есть право не принимать этот тезис либо полностью, либо, скажем так, по частям. «По частям» – вполне можно делать, поскольку, очевидно, что в исследовании проблем России (российская цивилизация, российская философия и т.п.) мы, «впереди планеты всей». Но вот что касается социальной теории во всех её разновидностях – экономической теории, социологической теории, политической теории и т.п. – здесь у нас есть бесспорное отставание от западной науки. Аргумент, что называется, «от Оккама»: ведь это мы переводим и издаем их теоретические работы, а не они переводят и издают наши (и если даже это делают, то в мизерных масштабах). Потому у нас «слабая» социальная наука, а у них «сильная».

Но почему такое происходит? Почему наша социально-гуманитарная наука *тормозит*, а их, возможно, *ускоряется*?

Здесь мы обсудим лишь один из многих механизмов торможения (см. прим.1), которые действуют в наших социально-гуманитарных науках, – и дадим ему имя – «бастионизм». Также мы будем его обозначать как «ЭСЗ-эффект» или «эффект самозамыкания». В дальнейшем эти три понятия будут использоваться как *синонимы*, и их различение между собой имеет чисто литературный, но никак не научно-концептуальный характер.

«Бастионизм» («ЭСЗ-эффект», «эффект самозамыкания»): определение. «Бастионизм» («ЭСЗ-эффект», «эффект самозамыкания») – это социальный эффект, проявляющий себя как результат взаимодействия какой-либо научной школы с другими научными школами, группами и отдельными социальными учеными, при котором данная конкретная школа, постулируя «открытость», на деле берет курс на «самоизоляцию» и «самозамыкание», полагая себя вполне самостоятельной научной школой, имеющей собственных «отцов-основателей», и способной благодаря их научному наследству получать эффективные научные результаты вне контекста взаимодействия с социально-гуманитарными науками других стран.

Проясним некоторые важные моменты.

Во-первых, «бастионизм» затрагивает уже сложившиеся «научные школы» с конкретными научными лидерами и часто с основателями этих школ.

Во-вторых, эта научная школа провозглашает себя открытой и готовой к взаимодействию с другими научными школами, группами и отдельными социальными учеными.

В-третьих, уже вскоре после начала работы этой школы принцип «открытости» становится *фикцией*: школа создает вокруг себя *привилегированный круг* других социальных ученых (например, коллег научного лидера школы) и начинает ориентироваться, в первую очередь, на их работы, отсекая всех других (при этом школа остается «формально открытой для всех»), — тем самым, делая первый шаг к «самозамкнутости» и «самоизоляции».

Следующий шаг (и это, в-четвертых) — данная научная школа ориентируется, прежде всего, на работы российских ученых, *не желая подспудно или прямо* приглашать к себе (на страницы своего журнала, к примеру) зарубежных лидеров данного направления. Школа также не представляет своих результатов на страницах ведущих иностранных изданий (в первую очередь, первой и второй четверти Scopus) и в результате оказывается в *глухой изоляции* от трендов зарубежной социально-гуманитарной науки, при этом постулируя (как ей представляется самой) «самобытные», но на деле эвристически неэффективные (и потому не представляющие интереса для всей науки) векторы своих достижений.

Все вышесказанное касается в первую очередь «низшего» типа «бастионизма» — обозначим его как *I-тип «бастионизма»*. С другим типом («высшим») — *K-типом «бастионизма»* — ситуация обстоит несколько иначе, но его детальное обсуждение мы оставим для части 2 этой статьи.

Пройдемся по важнейшим признакам «бастионизма».

«Бастионизм» как форма проявления «закрытой социальной науки». Концепты «закрытая социальная наука» и «открытая социальная наука» уже были однажды нами апробированы, и мы здесь повторим, что уже говорили ранее [2, 124].

«Закрытая» социальная наука — это наука, где игнорируются права социального ученого как личности, и сам он считается

лишь «винтиком» обширного бюрократического аппарата социальных наук; на социального ученого оказывается внешнее давление во всех его формах (политической, экономической и т.п.); научная стратификация базируется в основном на формальных основаниях; принципы универсализма, нейтральности, объективности и критического рационализма систематически нарушаются и попираются.

«Открытая» социальная наука — это наука, где признаются и уважаются права социального ученого как личности, и последний может принимать независимые решения; отсутствует или сведено к минимуму всякое внешнее политическое и экономическое давление, а научная коммуникация базируется на принципах универсализма, нейтральности, объективности и критического рационализма.

Почему «бастионизм» есть форма проявления «закрытой науки»? Потому что научное сообщество, демонстрирующее «ЭСЗ-эффект», нарушает два ключевых принципа функционирования этого сообщества — *принцип универсализма* (научные результаты должны распространяться не только в рамках отдельного региона, но и в пределах всего мира, всей мировой «республики учёных») и *принцип критического рационализма* (данное научное сообщество оставляет или пытается оставить свои достижения вне критики со стороны западной социальной науки). Естественно, имеет значение и форма представления данных результатов. Если они представлены исключительно на русском языке, то это автоматически порождает отказ от универсальности, так как мало кто из западных научных лидеров знает русский язык и читает наши российские журналы. Следовательно, хотя бы часть этих достижений надо представлять на английском языке и желательно в ведущих западных журналах, чтобы их можно было подвергать критическому дискурсу со стороны научного сообщества. Если этого не происходит, то «эффект самозамыкания» *рождается стихийно*, сам собой, без всякого внешнего принуждения.

Привилегированный круг социальных ученых. Второй признак «бастионизма» — это *привилегированный круг ученых*. Обычно научная школа с «ЭСЗ-эффектом» обозначает этот круг уже в момент своего создания, — со временем он дополняется и изменя-

ется, но не претерпевает принципиальных изменений: социальный ученый из одного региона меняется на социального ученого из того же региона; в случае провинциальной научной школы иногда могут приглашаться социальные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, которые тут же объявляются «ведущими» и «лидерами», — хотя на деле таковыми никак не являются (сложно сказать, насколько это является *искренним* самообманом — причем как со стороны школы, так со стороны самих приглашенных); может также присутствовать ближнее зарубежье (социальные ученые из Беларуси, Казахстана и т.п.).

Привилегированный социальный ученый получает первоочередное право публиковаться в изданиях этой школы, принимать участие в дискуссиях на страницах этих изданий, выступать на пленарных заседаниях конференций, проводимых этой школой, получать финансовую поддержку. Все остальные ученые (причем в случае провинциальной школы это могут быть даже представители Москвы и Санкт-Петербурга) изначально попадают в число *непривилегированных*: им может быть под благовидным предлогом отказано в публикации (особенно если она критически настроена в адрес этой школы или ее отдельных представителей); на дискуссии, проводимые в рамках этой школы, они не приглашаются, поскольку всегда могут заявить *особое мнение*; на конференциях, если они даже там присутствуют, то выступают исключительно на секциях, а никак не на пленарном заседании и т.п.

Наличие «привилегированного круга» социальных ученых — прямое нарушение всех принципов научной коммуникации, — и в первую очередь, таких как универсализм, объективность и критический рационализм. То, что это наносит бесспорный вред самой научной школе — это часть проблемы, но, следует подчеркнуть, это также наносит *моральный урон* всей отечественной социально-гуманитарной науке, поскольку дискредитирует её в глазах западного научного сообщества и снижает её роль и значение в рамках этой науки.

Отказ от взаимодействия с западной социально-гуманитарной наукой. Сразу подчеркнем, что такое взаимодействие — всегда трудно, оно требует порой огромных моральных (а иногда и финансовых) усилий, требует хорошего уровня английского у представителей этой школы (или хотя бы наличия хороших пе-

реводчиков). Вот почему один из ключевых признаков «бастионизма» — это *отказ от такого взаимодействия*. Научная школа с «ЭСЗ-эффектом» просто идет легким путем, обдуманно или бессознательно отказываясь от такого взаимодействия. Принцип выдвигается следующий: мы вполне самодостаточны, и без всякого взаимодействия с западной социально-гуманитарной наукой можем делать научные открытия в сфере социально-гуманитарного знания.

Это глубочайшее заблуждение всех подобных научных школ. Без взаимодействия с западной социально-гуманитарной наукой, без активного общения с её научными лидерами, они обречены на вечную роль *аутсайдеров* науки, — и никакая «самобытность», «почвенность» и «русский дух» им здесь не помогут. В другой сфере — может быть, и да, но только не здесь.

Естественно, здесь проще всего заявить: «А мы *другие!* И все «достижения» западной социально-гуманитарной мысли можно игнорировать именно по этой причине! У нас ведь все *другое!*».

Нет, мы не другие, мы, в первую очередь, отстающие и отстающие, замкнувшиеся в собственной лени, косности и нежелании вести диалог и осуществлять коммуникацию (важно, что её можно вести и со своих теоретических и концептуальных позиций!). Диалог и коммуникацию с западными социальными учеными должны начать именно мы, а не они. С той, западной, стороны, как мы бы этого не желали в России, не будет ни позы, ни призыва к этой коммуникации, — у них там свои проблемы, свои темы и свои авторитеты (плюс всё то, о чем мы еще говорили в первом разделе этой статьи). Что там происходит в России, — умерли там социально-гуманитарные науки или еще живы, — им, на Западе, извините, глубоко «до лампочки»... Они и без того ведущие лидеры в социальной теории, — достаточно сделать элементарный и самый простой обзор сетей цитирования и наиболее общепризнанных западных журналов.

Роль и значение международных баз данных (журналов и монографий). Здесь можно указать ещё на один «психологический барьер», что возникает у школ с «ЭСЗ-эффектом» при даже робкой попытке преодолеть свое «самозамыкание». Очень нелегко признать себя *отстающим и отсталым*, хотя до последнего момента тот или иной специалист в области социально-гуманитар-

ных наук, вероятно, полагал себя «ведущим» и «передовым» (особенно если он доктор наук и профессор). Но тем самым мы можем сделать первый шаг к будущей интеграции российской научной школы в международное научное сообщество. Что здесь ещё нужно сделать, — с *психологической* стороны?

Совсем немного: зная на добротном уровне английский язык, заставить себя подключиться к Интернету (или пойти в библиотеку, если нет доступа к соответствующим сайтам) и начинать читать (точнее, изучать — от корки от корки) все ведущие англоязычные журналы первой и второй квартили базы цитирования Scopus (см. прим.2).

И не просто читать. Входить в их проблематику. Анализировать. Обращать внимание на библиографию, и разбираться с тем, кто послужил источником идей для того или иного автора. Выписывать цитаты на английском, переводить их на русский. Выяснять, кто является *авторитетом* по конкретному вопросу (во многих случаях, хотя не всегда, это представители ведущих западных университетов — Кембриджа, Оксфорда, Гарварда, Лондонской школы экономики и др.). Читать по возможности (если есть доступ) другие работы этих авторитетных ученых.

Да, это тяжелая и, может быть, даже не совсем приятная *черновая* работа. Возможно, даже на этом пункте кто-нибудь из наших коллег, социальных ученых, крайне возмутится и начнет говорить про «позитивизм» западной философии, или, например, станет указывать на то, что все ведущие работы и статьи западных «социальных ученых» уже переведены или (в крайнем случае) переводятся (будут переведены в скором времени) на русский язык.

Но то, что переведено на русский язык, это максимум 5-10% того, что нужно для знания и (тем более) для решения той или иной конкретной социально-гуманитарной проблемы (с тем, чтобы по ней высказать что-то принципиально новое). Пятьдесят процентов, и не более! Все остальное — в Скопусе, вот в этих самых журналах. И ещё — в англоязычных сборниках и монографиях, опубликованных большей частью в последние 20-25 лет. Именно отсюда (ставим восклицательный знак!) — и одна из основных причин нашего отставания: мы попросту *не знаем* всех мировых достижений в сфере социально-гуманитарного зна-

ния, мы постоянно «открываем» и «переоткрываем» (да еще на самом примитивном уровне) то, что уже давно *открыто* там, на Западе. Мы — в самом хвосте «научного каравана», при этом наивно полагая, будто возглавляем этот караван!

Кроме того, есть и ещё один непреложный факт: монографии, сборники и учебники, где бы они ни издавались, всегда отстают от журналов минимум на 5-10 лет. И это верно как для России, так и для всего мира. Читать надо именно научные журналы, а потом уже все остальное. И опять же, ключевую роль здесь играет научная база Scopus.

О Скопусе: почему так важно научиться в нём работать?

Российские ученые в большинстве случаев негативно высказываются о сети Scopus, — в качестве примера можно привести недавнюю статью Ю.М. Резника, которые даже изобрел термин «скопизация», означающий тотальную ориентацию отечественных журналов на научную сеть Scopus [3]. Например, он так описывает ситуацию со Скопусом:

«Большинство редакций отечественных научных журналов сегодня буквально сходят с ума. Одни мечтают попасть в Scopus, а другие удержаться в нём. И все, как один, озабочены следующим: любой ценой или во что бы то ни стало соблюдать требования, предъявляемые к журналам этой странной сетевой структурой. Откуда у неё появилась такая власть над редакциями отечественных журналов? И почему мы так легко отдали на откуп этим базам проблему оценки результативности нашей науки? Ведь, по сути, они, а не отечественные эксперты, теперь выступают главными арбитрами, выносящими окончательный вердикт быть или не быть опубликованными результатам данного исследования. А всё дело в том, что наше Министерство науки однажды объявило, что теперь к научному отчёту преподавателей и научных сотрудников будут приниматься статьи, опубликованные преимущественно в журналах, входящих в базы данных типа Scopus, WoS и др. Наш РИНЦ теперь не в счёт. И перечень ВАК тоже перестал быть в почёте. Правильные критерии для оценки качества научных публикаций дают, с точки зрения Министерства, только вышеуказанные базы. Что это, как не попытка превратить отечественную науку из полукOLONиальной в колониальную?» [3, 133-134].

И далее: «Остаётся единственный и не столь убедительный аргумент адептов Скопус и подобных ему систем: мол, с их помощью наши ученые получают признание в мире. Во-первых, в каком это мире? На Западе нас и так слабо знают за исключением нескольких сотен наших естественников. Про гуманитариев говорить вообще не приходится. Их популярность ещё с советских времен никогда не была высокой в западном научном сообществе. А те статьи, которые они там публикуют сегодня, не всегда вписываются в повестку дня западной науки. Во-вторых, стоит ли нам встраиваться в существующий дискурс американских и западноевропейских ученых-гуманитариев, если мы находимся с ними в разных цивилизационных координатах? То, что актуально для нас, скорее всего, неинтересно им, за исключением, возможно, сугубо экзотических тем (нарушения прав человека, положения сексуальных меньшинств и пр.). Не лучше ли самим формировать собственную повестку дня и привлекать зарубежных ученых к её обсуждению? Центром научного мира мы, возможно, не станем в ближайшее время, но зато избавимся от комплекса профессиональной неполноценности» [3, 142-143].

Позволим себе одновременно и согласиться, и не согласиться с Юрием Михайловичем. Не согласиться — в его оценки значения базы Scopus, а согласиться — в необходимости «формирования собственной повестки дня». Вопрос один: как это делать, не зная всех достижений западной или, даже лучше сказать, мировой социально-гуманитарной науки? Ведь для того, чтобы предложить что-то своё, надо (как мы уже утверждали ранее) отказаться от «эффекта самозамыкания», надо уверенно знать и уверенно разбираться в том, что до тебя уже было открыто и установлено другими учеными. Иначе, — снова подчеркнем, — всегда есть опасность «открыть» то, что уже было неоднократно открыто другими социальными учеными.

Именно в этом, — в незнании того, что уже сделано, — и состоит одна из главных причин отставания российской социально-гуманитарной науки от мировой науки. То, что переведено или даже сейчас переводится на русский язык, — это крохи этой науки. Хотите на равных пировать и пить за одним столом, — работайте с базой Scopus, — читайте и работайте на английском, —

и тогда у вас будут шансы хотя бы приблизиться к мировой научной элите.

«Гильотина Юма» («Гильотина Скопуса») в социально-гуманитарных науках. Теперь мы хотели бы сформулировать некий общеметодологический, универсальный принцип для своей дальнейшей исследовательской работы в сфере социально-гуманитарных наук. Назовем это принцип *Гильотиной Юма* в социально-гуманитарных науках в честь известного шотландского философа, — тем более что у него таковая имелась, — причем даже у современных исследователей творчества Давида Юма эта «Гильотина» имеет несколько основных интерпретаций. Но, не вдаваясь в излишние дискуссии, мы будем понимать «Гильотину Юма» как методологический принцип, утверждающий крайне скептическое отношение ко всякому роду знания, не доказанному математическим или эмпирическим способом.

Сошлемся на это знаменитое высказывание Д. Юма: «Если, удостоверившись в истинности этих [математических и эмпирических] принципов, мы приступим к осмотру библиотек, какое опустошение в них придется нам произвести в них! Возьмем, например, в руки какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений!» [4, 69].

Попробуем теперь переложить этот принцип с точки зрения той позиции, которую современный социальный ученый должен выстраивать в отношении источников своей работы. При этом мы должны перефразировать самого Д. Юма (возможно даже с некоторым горьким, но назидательным *юмором*) и не использовать таких резких выражений как «софистика и заблуждение», «бросить в огонь» и т.п. Любая научная статья, монография или учебник, как плоды всякого творческого труда, достойны своей доли уважения, но при этом умение выбирать и ставить что-то на первое место, а что-то на второе и даже третье, а что-то откладывать вообще в сторону должны присутствовать здесь непременно.

Итак, «Гильотина Юма» («Гильотина Скопуса») в отношении российских социально-гуманитарных наук состоит в следу-

ющем. Приступая к анализу источников своей научной работы, отечественный социальный ученый должен принять за основу своей работы четыре основных правила (см. прим. 3):

(1) «делать всюду настолько полные перечни и такие общие обзоры, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» (Р. Декарт) — причем на всех языках, включая русский, английский, немецкий и др.;

(2) на первое место ставить работы зарубежных авторов, их монографии, учебники, изданные в последние 20–25 лет, а также статьи, опубликованные в журналах первой и второй четверти Scopus (Q1-Q2), включая российские журналы;

(3) на второе место ставить статьи, опубликованные в журналах третьей и четвертой четверти Scopus (Q3-Q4), включая российские журналы;

(4) наконец, необходимо бросить взгляд на работы российских социальных ученых (берем, к примеру, за последние 25 лет: период 2000–2024 гг.), и если их статьи, монографии и учебники не содержат ссылок на журналы первой и второй четверти Скопуса, а также на иноязычные (см. прим. 4) монографии и учебники, опубликованные в данный хронологический период, то мы можем смело отложить их в сторону и проигнорировать их существование.

Заключение. Подведем итоги первой части статьи, посвященной исследованию феномена «бастионизма» в российских социально-гуманитарных науках.

(1) «Бастионизм» (иначе — «ЭСЗ-эффект», «эффект самозамыкания») проявляет себя как один из механизмов торможения российских социально-гуманитарных наук, и является одной из множества причин, продуцирующих отставание российской социально-гуманитарной науки от мировой (прежде всего, западной) науки.

(2) Во многом благодаря «бастионизму» российская социально-гуманитарная наука может быть рассмотрена как «закрытая социальная наука» — закрытая для инноваций и мобильности. Это наука, где систематически нарушаются принципы универсализма, нейтральности, объективности и критического рационализма.

(3) Для преодоления эффекта «бастионизма» российских социальных ученых первоочередное значение имеет использо-

вание в научной деятельности базы Scopus и других общепризнанных мировых баз данных и сетей цитирования.

(4) В качестве оценки, насколько тот или иной социальный ученый способен преодолеть «ЭСЗ-эффект», может использоваться предложенная нами выше «Гильотина Юма» или «Гильотина Скопуса».

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 656 с.
2. Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 201 с.
3. Резник Ю.М. Scopus и судьба философских журналов России // Вестник РФО. – 2020. – Вып.3-4 (93-94). – С.131-144.
4. Юм Д. Сочинения в 2-х т. – Т. 2 – М.: «Мысль», 1965. – 575 с.

Примечания

1. Поскольку названий для других «механизмов торможения» не существует, нам пришлось их придумывать самим. Обозначим лишь некоторые (пока без объяснений): «Синдром Че», «Light-теоретизирование», «F-конструирование (конструирование фантомов)», «эффект Кантильона», «публикационное давление» и т.п.
2. Если российский социальный ученый владеет и другими языками (например, французским или немецким), то можно читать соответствующие журналы данной базы цитирования и на других языках.
3. Мы также частично используем здесь для изложения четыре правила научного метода Р.Декарта [4, 22-23].
4. Мы хотим подчеркнуть этот пункт: именно «иноязычные» – англоязычные, немецкоязычные, франкоязычные и т.п. Речь не идет здесь о работах, уже переведенных на русский язык и изданных в России, ибо, как мы уже подчеркивали, все самое важное для данного конкретного исследования в сфере социально-гуманитарной науки (особенно это касается статей) *никогда невозможно будет вовремя перевести* к моменту проведения данного научного исследования.

A.M. Orekhov

“BULWARKISM” AS A MECHANISM OF BRAKING OF RUSSIAN SOCIAL-HUMANITARIAN SCIENCES (Part 1)

Department of Social Philosophy, Lumumba’s Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

***Abstract:** The paper discusses “bulwarkism” as one of mechanisms of braking in Russian social-humanitarian sciences. “Bulwarkism” is*

social effect which is result of interaction of some scientific school with other schools, groups and social scientists when the given school, postulating “openness”, heads for “self-isolation” and “self-shorting”, supposing it quite self-sufficient scientific school, having their own “fathers-founders, and is able to thanks to their scientific heritage to get effective scientific returns out of interaction with the world social-humanitarian science. Russian social-humanitarian science as “closed science” provokes “bulwarkism”. Slighting relation to the world networks of citing also is one of forms of “bulwarkism”.

Keywords: *bulwarkism, “ESS-effect”, “self-shorting effect”, Scopus, Y.M. Reznik, “Hume guillotine”.*

REFERENCES:

1. *Descartes R. Rassuzhdenija o metode s prilozhenijami: Dipotrika, Meteory, Geometrija.* – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. – 656 s.
2. *Orehov A.M. Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa.* – М.: INFRA-M, 2020. – 201 s.
3. *Reznik Y.M. Scopus i sud'ba filosofskikh jurnalov v Rossii // Vestnik RFO.* – 2020. – Вып. 3-4 (93-94) – S.131-144.
4. *Hume D. Sotchinenija v 2 tomakh.* – Т. 2 – М.: “Mysl”, 1965. – 575 s.

Поступила в редакцию 21.04.2024 г.